

Юлия Сергеевна Черняховская – кандидат политических наук, заведующая учебно-научным сектором политической культуры Научно-образовательного центра «Высшая школа политической культуры» Московского государственного института культуры

Языком советской фантастики Научно-технический романтизм как форма политического сознания

Принято считать, что официальной доктриной советского искусства был социалистический реализм – в его определенном противопоставлении, с одной стороны, романтизму, с другой – критическому реализму. Эту доктрину долго и много хвалили – и потом ниспровергали. Сутью соцреализма можно считать тезис: «Изображать действительность такой, какой она должна быть». Причем те, кто наиболее вдумчиво критиковал этот подход, утверждали, что сам метод был чужд реализму – так как скорее соединял в себе черты классицизма и романтизма, чем и противостоял самому романтизму. Не касаясь сейчас этих искусствоведческих споров, хотелось бы сказать о другом: о том, выражении какого философско-предметного – точнее даже, философско-политического, политико-культурного – отношения к миру была данная доктрина. И дело здесь не в самой по себе мировоззренческо-идеологической доктрине – дело в типе политической культуры, в типе отношения к миру. Этот тип следует определить

как политическую философию – и политическую культуру – научно-технического романтизма. Суть такой философии и культуры – в соединении не классицизма с романтизмом, то есть идеально должного с опьяняюще идеальным, а рационально и научно-технически обоснованного с идеально желаемым. В конечном счете, это мир той же «Утопии» – места, которого нет, но понимаемого не как место, которого не может быть, а как место, которое хотелось бы и можно было бы создать. Запрос на создание подобного мира возник не в советский период, а заметно раньше – в эпоху научно-технических революций XVIII–XIX веков. Советский период стал результатом воплощения – и притом главным – указанного запроса. Любая политическая культура определяется несколькими дилеммами:

- ♦ человек (социум) либо принимает мир как нечто неизменное и подчиняется этой данности, либо относится к нему как к тому, что можно изменить;
- ♦ человек (социум) в своем отношении к миру либо принимает базовые

Павел Андreyк. На Магнитке. 1960 год

ценностные основания этого мира, либо разрушает их;

- ♦ человек (социум), выстраивая свои отношения с миром, либо подчиняется ему (считает допустимым «прогибаться под изменчивый мир»), либо готов вступить с ним в противостояние;

- ♦ человек (социум) в своем отношении к миру либо соглашается на отказ от собственной человечности, либо встает на ее защиту.

В основе научно-технического романтизма, рожденного научно-техническими революциями Нового времени, создавшего советский строй и ставшего его политической философией, лежит, как представляется, такой тип политической культуры, при котором:

- ♦ мир рассматривается как не самый совершенный и подлежащий изменению;

- ♦ изменение основывается не на разрушении базовых ценностей этого мира, а на приведении мира в соответствие с ними;

- ♦ человек не подчиняется данному состоянию мира, а принимает вызов противостояния ему;

- ♦ человек сохраняет и утверждает собственную человечность в любых противостояниях и в любых проявлениях борьбы за свои идеалы.

Суть философии и культуры научно-технического романтизма – в соединении не классицизма с романтизмом, то есть идеально должного с опьяняюще идеальным, а рационально и научно-технически обоснованного с идеально желаемым.

Это – в основе. Но не менее важным для самого этого типа политической культуры является то, что опорой и инструментом для изменения мира является не абстрактное моральное должествование и не «нетерпение потревоженной совести», о порочности которого писали Стругацкие, – а разум, научное осмысление мира, весь объем научно-технического инструментария, созданного человечеством в своем развитии. Основной постулат научно-технического романтизма: мир познаваем и изменяем; мы можем познать его – благодаря научному исследованию, изменить – благодаря достижениям науки и техники, но при этом остаться людьми, сохранив всё то идеально значимое, что создано в этом мире. Собственно, научно-технический романтизм – это суть и квинтэссенция советского мира.

При всей возможной критике политики Сталина, анализируя политические настроения 40–50-х годов, необходимо признать мобилизующую силу, которая придавалась общест-

ву существовавшей в тот момент накаленной идеологией Общества Фронтира. Общеизвестным является факт, что смерть вождя советские люди в массе своей восприняли как личное горе.

В письме к брату от 5 марта 1953 года Аркадий Стругацкий высказывал свою реакцию на это событие: «Умер Сталин! Горе, горе нам всем. Что теперь будет?»

[Далее красным карандашом:]

Не поддаваться растерянности и панике! Каждому продолжать делать свое дело, только делать еще лучше. Умер Сталин, но Партия и Правительство остались, они поведут народы по сталинскому пути, к Коммунизму. Смерть Сталина – невосполнимая потеря наша на дороге на Океан (здесь стилизация под роман Леонида Леонова “Дорога на Океан”. – Ю.Ч.), но нас не остановить.

Эти дни надо пережить, пережить достойно советских людей!»

Шок от ухода лидера был – но было и чувство уверенных в себе победителей: за плечами социума была Победа над фа-

Аркадий Стругацкий:

«Умер Сталин, но Партия и Правительство остались, они поведут народы по сталинскому пути, к Коммунизму. Смерть Сталина – невосполнимая потеря наша на дороге на Океан, но нас не остановить».

шизмом, названное на Западе чудом восстановление экономики, новые мощные гидроэлектростанции Сибири, созданная атомная энергетика. СССР вел широкое геополитическое наступление по всему миру, и уверенность в истинности тезиса «мы рождены, чтоб сказку сделать былью», утвердилась как искреннее чувство победителей, при-

нявших вызов, признавших мир не самым лучшим из возможных, согласившихся на построение нового — и чувствовавших явные успехи своего прорыва.

В 1957 году СССР запустил первый искусственный спутник Земли. Это событие можно считать началом эры научно-технического романтизма. «Начало 60-х годов — вре-

мя беспредельной веры в могущество науки, особенно физики. Именно тогда физики успешно побеждали лириков, конкурс в физические вузы зашкаливал, а самым популярным мужчиной в стране был Алексей Баталов, сыгравший физика Гусева в «Девяти днях одного года»», — отмечает современный общественный и политический деятель, автор книги о творчестве братьев Стругацких Борис Вишневский.

В то время бурно развивалась наука. В материалах июньского 1959 года пленума ЦК КПСС говорилось: «<...> за время, прошедшее после XX съезда партии, в нашей стране сделан новый крупный шаг в развитии и техническом совершенствовании всех отраслей народного хозяйства. За этот период создано и освоено в серийном производстве свыше 5 тысяч новых, более совершенных типов машин, механизмов, аппаратов и приборов, разработаны и внедрены в больших масштабах прогрессивные технологические процессы в промышленности и строительстве, значительно повысился уровень механизации, особенно тяжелых и трудоемких работ, осуществлена автоматизация многих производственных операций на промышленных предприятиях, в строительной индустрии и на транспорте». Широко внедрялась в жизнь атомная энергетика и реактивная авиация, были запущены первые в истории человечества искусственные спутники Земли, состоялся полет человека в космос. XXI съезд принял решение в течение семи лет ликвидировать тяжелый физический труд, проведя комплексную механизацию производственных процессов в промышленности, строительстве, на транспорте, в сельском хозяйстве и торговле. Планировались замена и мо-

дернизация устаревшего оборудования, внедрение новых высокопроизводительных процессов, быстрое развитие электрификации страны, автоматизация и дальнейшая специализация производства, всемерное использование достижений и открытий науки и техники, особенно в области радиоэлектроники, радиоактивных изотопов, полупроводников и ядерной энергии, превращение строительного производства в механизированный поточный процесс сборки и монтажа зданий.

Иными словами, в течение семи лет предполагалось внедрить в жизнь все достижения техники, которые описывали фантасты, в том числе практически достичь технического уровня, обозначенного Стругацкими в их романе «Полдень, XXII век». Программа семилетки полностью повторяла технический антураж фантастических произведений 1930–1950-х, и ее появление было обусловлено успехами предыдущих пятилеток.

Переломным для развития советской фантастики событием стал запуск первого искусственного спутника Земли, на что Аркадий Стругацкий откликнулся в письме к брату короткой, но многозначительной репликой: «ЗА СПУТНИК – ГИП-ГИП-УРА-УРА-УРА!!!» О тех же эмоциях вспоминал в 2004 году и Борис Стругацкий: «Это был сплошной телячий восторг – песни, пляски, карнавалы и сатурналии. Наша компания в Пулковке сочинила целый фильм о спутнике – рисованный, с музыкой и стихами, записанными на лабораторный магнитофон. Ночами работали, сгорая в пламени энтузиазма. Это было – счастье и ощущение прорыва в будущее». Приведенная реакция Бориса Стругацкого тем более примечательна, что в своих поздних воспоминаниях он редко давал

В 1957 году СССР запустил первый искусственный спутник Земли. Это событие можно считать началом эры научно-технического романтизма.

каким-либо событиям положительные оценки.

Выход в космос и начало его освоения были для Стругацких не какими-то оторванными от жизни событиями. Они воспринимались братьями как наступление новой эры. Осенью 1959 года Аркадий Стругацкий писал в газете «Литература и жизнь»: «И вот пришел день, когда лунный перелет стал фактом. Мечта осуществлялась. Человек дотянулся до космического тела – пока только до ближайшего. Вероятно, в скором времени первые космонавты ступят на почву Луны, и Луна перестанет быть объектом научной фантастики».

Таким образом, если европейский романтизм XIX века явился отторгающей реакцией на научно-технический прогресс, то советский романтизм 60-х органично его дополнял. Ему также было свойственно утверждение самоценности духовно-творческой жизни личности, изображе-

ние сильных страстей и характеров, но активность человеческой природы вырисовывалась как направленная на научное познание и совершенствование общества. В XVIII веке романтическим называли всё странное, фантастическое, существовавшее в литературе, а не в действительности. Да и романтизм XIX века часто обращался к прошлому – отсюда такая популярность его преломления в исторических романах той эпохи. Научно-технический романтизм, напротив, нацелен в будущее и вовне, он не отвергает экзистенциальных начал, но считает их принципиально познаваемыми. Его романтика направлена на познание неведомых далей, изучение космоса, строительство нового мира – он ведь возник из соприкосновения чудесного и реального, что и произошло с наступлением космической эры во второй половине 50-х – начале 60-х. Прорыв в космос виделся ре-

альным воплощением мечты, о которой прежде говорилось лишь в разного рода фантастических — а то и откровенно сказочных — произведениях. Не потому ли всего лишь несколько лет спустя советские люди с такой естественностью отнеслись к принятой на XXII съезде новой Программе КПСС, которая для иного современного человека выглядит как политическая утопия.

Философская концепция научно-технического романтизма переходила в плоскость политического сознания — ее выводы затрагивали взгляды людей и начинали влиять на их общественное поведение. Этот процесс постепенно происходил в СССР с начала 60-х: восхищение успехами НТР при поддержке партии, активно содействовавшей тогдашней инноватике, перерастало в интерес к социальному проектированию, а затем и моделированию политических утопий и антиутопий.

Это было таким же важным фактором формирования мировоззрения поколения «шестидесятников», как и смерть Сталина (во всём спектре ее трактовок), как и XXII съезд и все те политические события, которые произошли позже. Научно-технический романтизм порождал готовность к кардинальным переменам в обществе, и эту готовность высказывал Аркадий Стругацкий в цитировавшейся выше статье в «Литературе и жизни»: «Но мечта не стоит на месте. Ее провозвестники, писатели и поэты, тянутся дальше, в коммунистическое будущее мира. <...> В превосходном научно-фантастическом романе “Туманность Андромеды” Иван Ефремов показывает нам, что и в далеком будущем не прекращается борьба, гигантская благородная борьба Человека против природы. Человек уже не обороняется, он наступает. Эскадры звезд-

летов летят к далеким мирам, пытливая мысль бросает Человека на новое, невиданное завоевание — на преодоление физической природы пространства и времени».

Преодоление физической природы пространства и времени и преодоление политической инерции социальных процессов сливаются как в утопии Ефремова, так и в ранних идеалах его последователей — Стругацких. Успехи НТР порождают завышенные социально-политические ожидания. Подтверждение такого слияния — в той же статье Аркадия Стругацкого: «<...> мечта получила мощное научное обоснование. Но она еще оставалась мечтой. Путь к ее осуществлению лежал через долгие годы большевистского подполья, через залп “Авроры”, через создание первого в мире социалистического государства. Он, этот путь, обеспечен был превращением нашей родины из нищей страны в “страну мечтателей и ученых”, вооруженную мощной индустрией, мощным сельским хозяйством, обладающую огромными энергетическими возможностями, вырастившую великолепные кадры рабочих, техников и ученых. Нет, совсем не случайно первые выпелы землян, сброшенные на лунную поверхность, украшены гербом Советского Союза. Именно Советскому государству, которое в силу социалистического строя способно сконцентрировать на решении той или иной проблемы самые лучшие кадры, самые лучшие предприятия и самые лучшие материалы, суждено стать родиной первых искусственных спутников и космических ракет, как и первой атомной электростанции, первого по мощности ускорителя элементарных частиц, первого атомного ледокола».

Подобная социализация эйфории, вызванной научно-техническими свершениями, привела на первых порах к тому, что Стругацкие обозначили появление двух новых социальных групп, или — в их терминах — «типов человека». Первый тип — массовый научный работник. Стругацкие отмечали, что «только в нашей стране численность работников, непосредственно занятых научной деятельностью, перевалила за миллион человек». Причина появления этой социальной группы — распространение НТР, что фантасты считали фактором важнейшего политического значения. Они рассматривали массового научного работника как новый «горизонтальный пласт общества» — что в какой-то мере сопоставимо с сегодняшними представлениями о среднем классе. Стругацкие утверждали, что «отпечаток», который накладывался на личность такого массового научного работника «спецификой условий научной работы, прекрасно соизмерим с формирующим влиянием, скажем, обстановки крупного промышленного предприятия на личность квалифицированного рабочего». Хотя массовый научный работник, по мнению братьев, и не оправдал возлагавшихся ранее на него надежд, но в целом он, по их мнению, развивался в общем ключе социального прогресса.

Второй тип по Стругацким — это «Массовый Сытый Невоспитанный Человек», «мещанин» или «кадавр, не удовлетворенный желудочно». Появление этой социальной группы стало следствием того, что люди получили доступ к материальным благам, но культура их осталась на прежнем феодальном уровне. Здесь намечалось первое разногласие Аркадия и Бориса Стругацких с официальными постулатами марксизма, так как

они считали приоритетно необходимым именно культурное развитие человека. Сам факт возникновения этой социальной группы Стругацкие называли удивительным, что позволяет говорить о том, что изначально в вопросе развития и распространения материальных благ они были сторонниками марксизма. На протяжении 60-х годов разрастание этой социальной группы Стругацкие считали главной угрозой на пути построения коммунизма, с которой призывали активно бороться. Таким призывом фактически стал их роман «Хищные вещи века».

Свое понимание современности начала 60-х годов Аркадий и Борис Стругацкие высказали в статье «О советской фантастике», в которой выделили

Преодоление физической природы пространства и времени и преодоление политической инерции социальных процессов сливаются как в утопии Ефремова, так и в ранних идеалах его последователей – Стругацких. Успехи НТР порождают завышенные социально-политические ожидания.

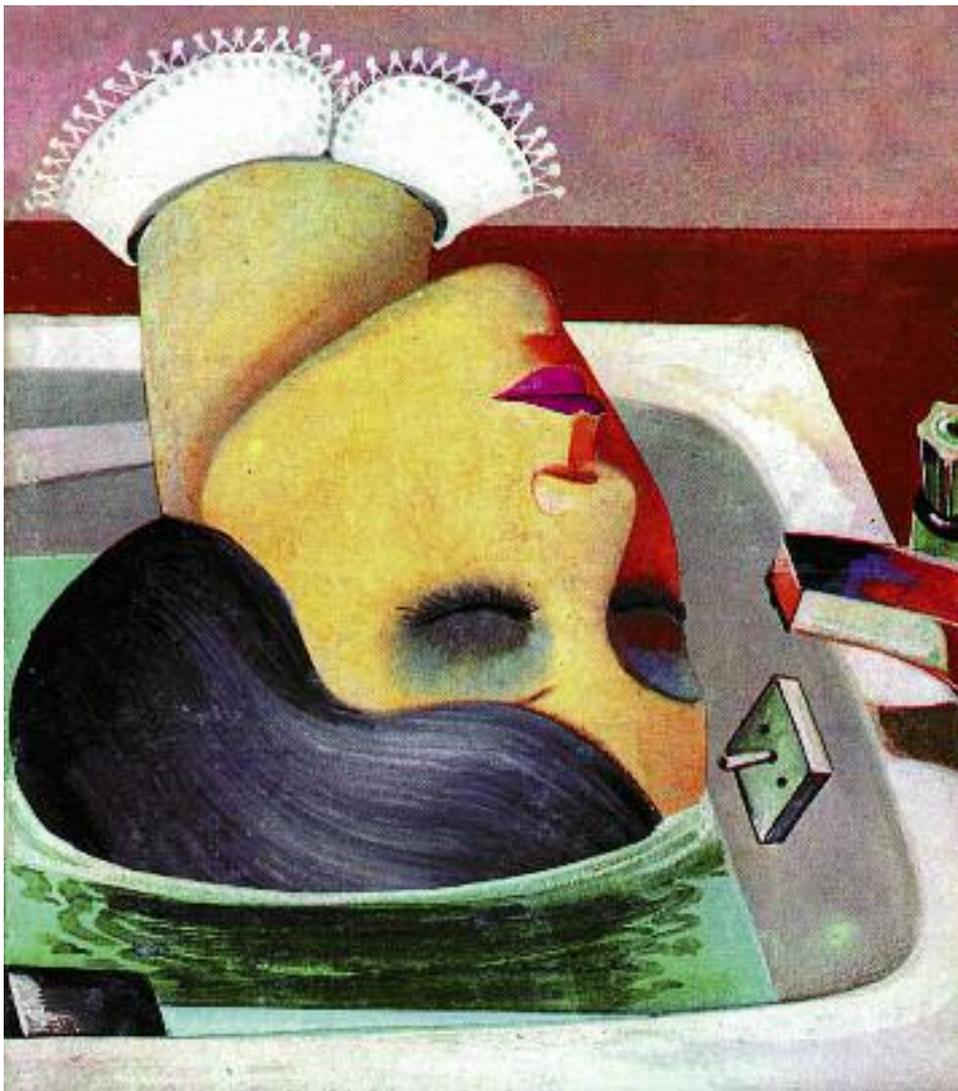
три фактора, которые, по их мнению, формируют историческую реальность.

Первый фактор: «Третья часть человечества, не дожидаясь остальных двух третей и невзирая на все связанные с этим трудности, приступила к построению коммунистического общества, в котором открываются неограниченные возможности для свободного развития человеческого духа».

Второй фактор: «Современная наука открыла, а темные силы немедленно приняли на вооружение чудовищные средства разрушения, способные

навсегда прервать историю или, во всяком случае, отбросить человечество далеко назад».

Третий фактор: «Специфические обстоятельства – страх перед Третьей мировой войной, необычайное обострение идеологической борьбы, разлагающее влияние империалистической пропаганды на Западе и огромные трудности послевоенного периода, тлетворные последствия господства культа личности у нас – привели к необычайной активизации мирового мещанства. Это выражается в усилении

Братья Стругацкие:

«Специфические обстоятельства – страх перед Третьей мировой войной, необычайное обострение идеологической борьбы, разлагающее влияние империалистической пропаганды на Западе и огромные трудности послевоенного периода, тлетворные последствия господства культа личности у нас – привели к необычайной активизации мирового мещанства».

тунеядских, потребительских тенденций, в небывалом пренебрежении интересами социума и каждого человека в отдельности, в стремлении переложить ответственность за свои действия на совесть других, в нежелании думать и учиться. Всё это отчетливо видно на примере стран Запада, но и наша страна в немалой степени оказалась заражена тем же недугом.

Возвращенная научно-техническим романтизмом массовая

готовность к чуду давала основание для формирования и развития новой идеологической мотивации. Так, на XX съезде КПСС было заявлено о существовании «многообразия форм перехода к социализму» и подчеркнуто, что гражданские войны и насильственные потрясения не являются необходимым этапом пути к новой политической формации. Съезд отметил, что «могут быть созданы условия для проведения мирным путем корен-

ных политических и экономических преобразований». Тезис о «многообразии форм перехода к социализму» означал, что теперь становилось возможным публично размышлять о перспективах развития социализма и о том, как будет выглядеть будущее коммунистическое общество. Иными словами, будущее после XX съезда дозволялось разглядывать не только на пять, но и на пятьсот лет вперед. С этого доктринального разворота, по мнению польского исследователя литературного наследия братьев Стругацких Войцеха Кайтоха, и началась пропаганда строительства утопии в научной фантастике. Стало распространяться мнение, что научно-фантастическая литература должна, наконец, создать коммунистическую утопию, а в книгах технологического направления надлежащее место следует уделять показу социальных последствий описываемых достижений. Данная установка получила развитие на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года. На съезде был принят новый Устав партии, содержащий «Моральный кодекс строителя коммунизма», и новая Программа КПСС, в которой, в частности, утверждалось, что к 1980 году будет создана материально-техническая база коммунистического общества. Между тем общество поняло это как обещание построения непосредственно идеального общества к 1980 году. На различие этих понятий указывали, в частности, Стругацкие, разрабатывая проблему мещанства. В своих ранних статьях они писали о том, что материальная база для идеального общества уже создана, теперь дело за педагогикой. Приведенные в новой партийной Программе характеристики коммунизма можно разделить на три группы:

- ◆ экономические условия, которые могут обеспечить столь мощное развитие производительных сил (в особенности кибернетики и автоматике), чтобы завалить человечество доступными для всех благами;
- ◆ политические изменения: ликвидация классов и социальных прослоек, замена государства самоуправлением, основанным на самодисциплине;
- ◆ последствия экономических и социальных перемен для жизни отдельной личности (всестороннее развитие каждого, воспитание в людях естественной, крепкой потребности в труде).

Последнюю проблемную группу официальные партийные документы освещали довольно скупо, да и создавать на их основе конкретный образ будущей жизни мог далеко не каждый. Отсюда и внезапный интерес «ответственных органов» к научной фантастике, на который с готовностью ответили Стругацкие и другие фантасты. Так, братья взялись за разработку фактически философии и мировоззрения будущего. Тогда же они начали конструировать политическую модель идеального общества, чем впоследствии продолжали заниматься до начала 90-х.

Если первый проект коммунистической утопии — это «Туманность Андромеды» Ефремова, то следующей комплексной моделью коммунистического общества стал «Полдень, XXII век» Стругацких. Но обе эти модели, став наиболее известными, вовсе не являются единственными. Кроме активно работавших представителей фантастики «ближнего прицела» (которая занималась популяризацией научно-технических достижений, концентрировалась на ближайшем будущем и отличалась довольно слабой проработкой собственно лите-

ратурных образов и их внутреннего мира), то есть Александра Казанцева, Георгия Гуревича, Александра Шалимова, которые сумели приспособиться к новым требованиям, и уже давно специализировавшегося в фантастическом политическом памфлете Лазаря Лагина, а также «отца» новой научной фантастики Ивана Ефремова, на переломе 50–60-х дебютировала многочисленная плеяда новых авторов: Георгий Мартынов (1955), Генрих Альтов (1961), Илья Варшавский (1964), Евгений Войскунский и Исая Лукодянов (1961), Север Гансовский (1963), Геннадий Гор (1961), Ариадна Громова

В СССР Стругацкие стали первыми, кто начал трактовать фантастическую форму не как цель, а как способ преподнести свои идеи. Американский писатель-фантаст Харлан Эллисон (на фото) предложил новую разновидность научной фантастики называть не научной фантастикой, а фантастикой размышлений.

(1962), Анатолий Днепров (1962), Михаил Емцов и Еремей Парнов (1964), Валентина Журавлева (1960), Ольга Ларионова (1965), Владимир Михайлов (1962), Игорь Росохватский (1962), Владимир Савченко (1959), наконец — Аркадий и Борис Стругацкие (1958), ставшие лидерами этого движения. В эти же годы впервые в советской научной фантастике появились профессиональные литературоведы и критики, для которых она стала объектом постоянного и довольно длительного интереса: Кирилл Андреев, Евгений Брандис, Владимир Дмитриевский, Анатолий Бритиков, Юлий Кагарлицкий, Борис Ляпунов, Всеволод Ревич, Юрий Рюриков.

Это новое поколение, оставаясь под впечатлением от фактов, революционизировавших науку и технику, проявляло интерес и к общественно-политической проблема-

тике. Однако мир коммунистической утопии никогда не сформировался бы в советской фантастике и никогда не обрел бы такой популярности, если бы не ясно выраженные голоса критиков и спадавшие с кампаниями XXI и XXII съездов КПСС пожелания партийного руководства: пишите о коммунизме, представляйте коммунистическое будущее. Причем ни в руководстве страны, ни среди читателей, ни среди писателей никто изначально не считал эту тему фантастической — напротив, она соответствовала всем требованиям соцреализма.

На этой волне в советскую фантастику вошли и Стругацкие. Их первые работы появились еще в конце 50-х, и писатели выглядели одновременно и непосредственными учениками, и в то же время оппонентами Ефремова. Начав писать в духе фантастики

По результатам опроса, проведенного во второй половине 60-х Клубом любителей фантастики МГУ, самыми популярными среди читателей оказались Лем, Стругацкие, Брэдбери, Азимов и Ефремов – все перечисленные авторы писали не научно-техническую, а философскую фантастику. А наиболее популярной книгой все возрастные группы опрошенных назвали «Трудно быть богом» Стругацких.

«ближнего прицела», они вскоре отказались воспринимать жанр подобного рода литературы в качестве сугубо инструмента для пропаганды научных достижений. В СССР они стали первыми, кто начал трактовать фантастическую форму не как цель, а как способ преподнести свои идеи. Американский писатель-фантаст Харлан Эллисон предложил новую разновидность на-

учной фантастики называть не научной фантастикой, а фантастикой размышлений. Сами Стругацкие называли ее философской фантастикой. Можно сказать, что проза Ефремова и Стругацких задали две основные стиливые и содержательные линии в советской фантастике второй половины XX века: с одной стороны, литература ответов, глобальных прогнозов в от-

ношении будущего – преимущественно социального плана, а с другой – литература вопросов, оригинальных предположений, гипотез, берущих начало в настоящем, отличающихся философским подходом к осмыслению действительности.

Согласно опросу, проведенному издательством «Молодая гвардия» во второй половине 60-х среди читателей советской фантастики, 53 из 112 любителей фантастики были старше 20, но моложе 40 лет, то есть относились к категории активно работающих и развивающихся людей. 37 человек имели среднее образование, а 38 – высшее. Преобладали люди с городскими профессиями. Читателей интересовали «идеи, выдвинутые не только для развития сюжета», и проблемы «философско-социального направления». Наряду с морально-этической тематикой читатели высказывали желание увидеть в фантастических произведениях «этапы формирования коммунистического общества в ближайшее после окончания закладки социалистического фундамента время». Среди наиболее популярных произведений называли «Туманность Андромеды», «Сердце Змеи», «Лезвие бритвы» Ефремова и «Трудно быть богом», «Хищные вещи века», «Дальнюю радугу», «Улитку на склоне», «Понедельник начинается в субботу» Стругацких.

Буквально в то же самое время Клубом любителей фантастики МГУ был проведен другой – более репрезентативный – опрос, в котором приняли участие 304 студента (группа «С», или «студенты») МГУ, ЛГУ и Владимирского педагогического института (естественные факультеты), 215 представителей московской и ленинградской интеллектуальной элиты (группа «И», или «интеллигенция»), а

также 185 школьников (группа «Ш», или «школьники») разных городов (100 человек из двух школ Москвы, 30 — из Ленинграда, 30 — из села Селижарово Калининской области, 25 — из поселка Вигим Якутской АССР). Средний возраст группы «Ш» был 15 лет, «С» — 20 лет, «И» — 32 года. Анкеты заполнили также 36 писателей-фантастов из Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, Калининграда и Свердловска («литераторы», или группа «Л») и 33 московских и ленинградских критика, журналиста и редактора, занимавшихся фантастикой («журналисты», или группа «Ж»). По результатам опроса самыми популярными среди читателей оказались Лем, Стругацкие, Брэдбери, Азимов и Ефремов (опрос проводился не только по отечественной, но и по иностранной фантастике) — все перечисленные авторы писали не научно-техническую, а философскую фантастику. А наиболее популярной книгой все возрастные группы опрошенных назвали «Трудно быть богом» Стругацких.

Опрос также показал, что в каждой из пяти групп не менее трети проявляли интерес к научной фантастике и следили за ее новинками. Большинство читателей групп «С» и «И» считали, что отечественной фантастике недостает смелости в постановке общественных проблем, предвидения социальных последствий развития науки, что говорит об интересе к остросоциальной фантастике. 16 процентов школьников, 56 процентов студентов, 60 процентов представителей интеллектуальной элиты, 70 процентов литераторов и 64 процента журналистов искали в фантастике прежде всего размышления о тех последствиях, преимущественно социальных, к которым приведет научно-техни-

ческое развитие. 30 процентов школьников, 38 процентов студентов, 41 процент интеллигентов, 53 процента литераторов и 54 процента журналистов искали в фантастических произведениях изображение будущего, его структуры и социальных проблем. В ответах на вопрос «Кто ваши любимые писатели-фантасты?» Аркадий и Борис Стругацкие занимали второе место во всех возрастных группах, кроме группы «Ш» (четвертое место). Авторы опроса вывели формулу коэффициента читательского восприятия романов в зависимости от количества прочитавших книгу, количества тех, кому она особенно понравилась или не понравилась, где 50 означало равное количество отрицательных и положительных оценок. Мнение о различных произведениях Стругацких колебалось от 73 до 81, причем по Москве — от 77 до 85.

То есть интересы читательской аудитории в 60-е годы в СССР всё более обращались к фантастике философской или утопической, хотя эти темы отчасти выглядели навязанными редактурой (64 процента представителей группы «Ж» хотели видеть фантастику социальной, изображение же будущего в романах хотели видеть 53 процента писателей, 54 процента журналистов или редакторов и только от 30 до 41 процента читателей по разным группам). Читателей же в первую очередь привлекала «логика раскрытия тайны» — 50 процентов среди школьников, парадоксальность и неожиданный взгляд на привычные вещи — среди студентов и интеллектуальной элиты (соответственно 70 процентов и 62 процента). Но на вопрос «Чего недостает современной фантастике?» более половины опрошенных по каждой группе (кроме школьников) ответили: «Смелости в

постановке общественных проблем» («Ш» — 14 процентов, «С» — 42 процента, «И» — 58 процентов, «Л» — 72 процента, «Ж» — 70 процентов). Таким образом, по мере вхождения советского общества в 60-е годы с их новой социально-политической повесткой и возросшим уровнем жизни, в том числе не только материальным, но и образовательным, увеличивался новый слой — массовый научный работник. Этот слой и становился носителем философской системы научно-технического романтизма. В основе этой системы находились три столпа: вера в научный прогресс, вера в коммунистическое будущее и стремление к демократическим свободам. Последнее придавало научно-техническому романтизму политический оттенок, превращало его в доступный и легальный способ задумываться и дискутировать о будущем социалистической системы в стране. Жанровой формой научно-технического романтизма стала советская социальная фантастика, а его ведущими мыслителями — Аркадий и Борис Стругацкие.

Но особо нужно подчеркнуть, что эта яркая и ставшая знаменитой советская научная фантастика, по форме являясь топовым сверхмодным жанром, была гораздо большим началом, нежели просто феерическое явление 50–60-х годов. Она была лишь фоном и конкретно-историческим проявлением политико-философского феномена, который на сегодня остается во многом неосознанным: особым мировоззрением и мироощущением, выступающего одновременно и в качестве политической философии особого типа, и политической культуры — политической философии и политической культуры научно-технического романтизма.